

Архивы начинают говорить

© 1991 г.

В.Н. ЗЕМСКОВ

Рождение «второй эмиграции» 1944 — 1952

ЗЕМСКОВ Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. В нашем журнале опубликовал статьи "Спецпоселенцы" (1990, № 11) и "Массовое освобождение из спецпоселения и ссылки в 1954-1960 гг." (1991, №1).

Под второй "эмиграцией" в советское время принято подразумевать сотни тысяч советских граждан, оказавшихся в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. за границей и впоследствии не возвратившихся в СССР. Если в 1917—1922 гг. основу первой (белой) эмиграции составили активные противники Октябрьской революции и Советской власти (белогвардейцы), то после второй мировой войны — советские граждане, в той или иной степени сотрудничавшие с фашистскими захватчиками (колaborационисты).

В октябре 1944 г. по решению правительства СССР было образовано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, которое возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков, бывший начальник разведуправления Красной Армии. В главные задачи этого ведомства входило осуществить полную репатриацию советских граждан — военнопленных и гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны, а также отступивших с гитлеровцами их пособников; не допустить образования новой эмиграции.

Впоследствии сотрудники ведомства Ф.И. Голикова установили, что к концу войны за границей осталось в живых около 5 млн. советских граждан [1]. Большую их часть составляли депортированные гражданские лица, находившиеся в фашистской Германии и других странах на положении «иностранных рабочих». Причем жители СССР в границах до 17 сентября 1939 г. имели статус «восточных рабочих» («остарбайтер»), а «иностранные рабочие» из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины — другой. Военнопленных, включая вступивших в изменнические воинские формирования, насчитывалось ориентировочно 1.7 млн. Многие десятки тысяч советских граждан содержались в концлагерях и тюрьмах фашистской Германии и других стран, подвластных или союзных ей, как политические заключенные. Весьма значительным было число отступивших с гитлеровцами их пособников (часто с семьями).

Советские люди, находившиеся в фашистской неволе, подвергались массовой обработке со стороны гитлеровской и власовской пропаганды, призванной оборвать их духовную и психологическую связь с Советским Союзом. Основной постулат этой пропаганды — в случае возвращения в СССР всех ожидает жестокая расправа как над предателями.

Проведенный нами анализ хранящихся в ЦГАОР СССР опросных листов и объяснительных записок репатриантов показал, что агитация гитлеровцев и власовцев имела весьма ограниченный эффект. Большинство ин-

тернированных гражданских лиц и военнопленных из числа «восточников» (не менее 70%) по своим настроениям оставались твердыми возвращенцами, т.е. имели намерение вернуться в СССР независимо от того, будут там их наказывать или нет. Гораздо больше их пугала перспектива, что правительство СССР может отречься от них, лишит советского подданства, и тогда они станут людьми без роду и племени, без Родины, эмигрантами (слово «эмигрант» в среде возвращенцев было ругательным). Твердых невозвращенцев у «восточников» (без власовцев и т.п.) было только около 5%. Примерно 25% составляли так называемые колеблющиеся (в массе своей они были не против возвращения в СССР, но опасались репрессий). Что касается «западников», то у них удельный вес невозвращенцев и колеблющихся составлял не менее 85%. В процессе образования «второй эмиграции» деление советских перемещенных лиц на возвращенцев, колеблющихся и невозвращенцев имело значение только в зонах действия союзных англоамериканских войск, т.к. из зон действия Красной Армии за границей почти все советские граждане были репатриированы в СССР независимо от их настроений.

В фашистской Германии и других странах, подвластных и союзных ей, скопилось значительное число коллаборационистов, состоявших на военной, полицейской, административной или иной службе у оккупантов и искавших за границей спасения от возмездия за свою изменническую деятельность. Среди этой категории перемещенных лиц (как «восточников», так и «западников»), естественно, резко преобладали невозвращенцы. Они-то впоследствии и составили костяк «второй эмиграции».

11 ноября 1944 г. газета «Правда» опубликовала интервью Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС, в котором была изложена позиция руководства СССР по вопросу репатриации советских граждан. В интервью в частности говорилось: «...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения на Родину они будут подвергнуты репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости... Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину». Вся последующая пропагандистская работа официальных представителей СССР с советскими перемещенными лицами была построена на основе содержания интервью Ф.И. Голикова.

С самого начала Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации столкнулось с рядом трудностей и сложностей в отношениях с союзниками, весьма прохладно относившимся к идее полной репатриации советских граждан. Руководство СССР особенно раздражало стремление союзников подразумевать под советскими гражданами только жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., а не по состоянию на 21 июня 1941 г. Не меньшее раздражение вызывали заявления союзников о праве самих перемещенных лиц решать, возвращаться им в СССР или нет (этим правом, естественно, в первую очередь воспользовались бы запятнавшие себя сотрудничеством с фашистскими захватчиками преступные элементы, которые положили бы начало новой антисоветской эмиграции). Ниже мы приводим выдержки из сводок Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, где названы конкретные факты, подтверждающие обоснованность этих опасений.

Сводка от 31 октября 1944 г.: «...В Бельгии работа с советскими гражданами союзным командованием передана белоэмигрантке Витух, а нашим представителям в работе чинятся всевозможные препятствия...»

Сводка от 10 ноября 1944 г.: «При отправке 31.10 из Ливерпуля в Мурманск транспортов с репатрированными сов. гражданами англичане не доставили и не догрузили на корабли 260 сов. граждан. Из намечавшихся к отправке 10 167 чел. (о чем Британское Посольство официально заявило) прибыло и принято в Мурманске 9 907 чел. Англичанами не были отправлены 12 человек изменников Родины. Кроме того, были задержаны отдельные лица из числа военнопленных, которые настойчиво просили отправить их с первым транспортом, а также изъяты граждане по национальности: литовцы, латыши, эстонцы, уроженцы Западной Белоруссии и Западной Украины под предлогом, что они не являются советскими подданными...»

Сводка от 20 ноября 1944 г.: «...В Финляндии из числа 680 советских граждан, служивших в финской армии, бежало и укрылось 405 человек, вследствие попустительства финских властей...»

Сводка от 1 декабря 1944 г.: «...США. Налаживаются более благоприятные отношения, но списков американцы на наших людей, находящихся в лагерях США, еще не передали. Американцы заставляют наших людей в лагерях заполнять анкету, предупреждающую о казни пленного при повторном его пленении врагом. Делают это, видимо, с целью принудить и получить от наших граждан заявление о нежелании возвращаться на Родину... Греция. Английские военные власти отказываются от организации сборных пунктов на территории Греции для наших людей. Отмечается также неприязненное отношение греческих местных властей к мероприятиям наших представителей...»

Сводка от 10 декабря 1944 г.: «...Швеция. Пограничная полиция в Швеции делает предложение нашим интернированным совгражданам остаться в Швеции, заявляя при этом, что в СССР к ним будут применены репрессии...»

Сводка от 1 февраля 1945 г.: «...Среди находящихся в Англии советских граждан вербовка в польскую армию продолжается. В декабре месяце под видом поляков из одного лагеря было изъято 113 человек уроженцев Западной Украины, ранее служивших в Красной Армии... Вся деятельность по вербовке сопровождается гнусной антисоветской клеветой и угрозой расстрела по возвращении наших людей на Родину. Поэтому англичане причины задержки в отправке наших людей на Родину объясняют нашим людям как свое стремление сохранить им жизнь. Эта агитация оказывает влияние на малоустойчивых, вследствие чего в одном лагере подано 180 заявлений, а в другом — 41 об отказе от возвращения на Родину... Американские власти "в целях соблюдения условий Женевской конвенции и имеющегося соглашения с Германией по обмену военнопленными" стремятся рассматривать наших военнопленных, одетых в немецкую форму, как немцев, ибо для них подданство пленных якобы определяется формой одежды в момент пленения. На основании этого репатрировать подобный контингент военнопленных из наших граждан отказываются... Как видно из последней беседы тов. БОГОМОЛОВА с французским министром по делам военнопленных ФЛЕНЕ, французские власти склонны рассматривать наших людей бывших "власовцев" как военных преступников, подсудных французскому суду...»

Сводка от 10 февраля 1945 г.: «...Английские власти продолжают не признавать гражданами СССР советских людей из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и на этом основании не включают их в число подлежащих репатриации...» (Там же).

11 февраля 1945 г. на Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании были заключены соглашения относительно возвращения на Родину освобожденных советских граждан войсками США и Великобритании, а также возвращения военнопленных и гражданских лиц США и Великобритании, освобожденных Красной Армией. В этих соглашениях был закреплен принцип обязательной репатриации всех советских граждан. Союзники активизировали отправку в СССР перемещенных лиц, но факты неполноты репатриации по-

прежнему имели место, о чем свидетельствуют нижеследующие выдержки из сводок Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации.

Сводка от 10 марта 1945 г.: «... В США группа советских граждан в числе 131 чел., находившаяся в лагере "Руперт", переведена из лагеря в другое место, без согласия наших представителей. Для погрузки на пароходы эта группа доставлена не была. Администрация лагеря отказалась дать информацию об этих людях, заявив, что "они не считают себя советскими гражданами и будут содержаться до конца войны как немецкие военнопленные"..."»

Сводка от 10 апреля 1945 г.: «...При отправке в СССР из Франции через Англию наших граждан 15 человек, отказавшиеся поехать на Родину, были взяты под защиту представителем штаба Эйзенхауэра полковником Хаурт и американским администратором в лагере "Рен" майором Генри-Авера, которые заявили, что они не могут допустить нарушения решений Женевской конвенции о защите граждан, не желающих возвратиться на Родину...» [Там же].

После капитуляции Германии возник вопрос о передаче перемещенных лиц непосредственно через линию соприкосновения союзных и советских войск. На этот счет в мае 1945 г. велись переговоры в г. Галле (Германия). Советскую делегацию возглавлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования — заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенант К.Д. Голубев; делегацию союзников — представитель Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск американский генерал Р.В. Баркер. На этих переговорах союзники предприняли попытку провести принцип добровольности репатриации и свое толкование понятия «советские граждане». Поначалу Баркер предложил осуществлять репатриацию всех советских граждан на основе добровольности, но, встретив решительные протесты советской делегации, быстро согласился на принцип обязательной репатриации «восточников», т.е. граждан СССР в границах до 17 сентября 1939 г. Далее переговоры на некоторое время зашли в тупик из-за непреклонной позиции Баркера, заявившего, что жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии («западники») не являются советскими гражданами и не подлежат обязательному возвращению в СССР. Однако инициатива находилась в руках советской делегации, и 22 мая Баркер вынужден был поставить подпись под документом, в котором закреплялся принцип обязательной репатриации всех советских граждан (как «восточников», так и «западников») [Там же].

Тем не менее союзники никогда насильно не переправляли в советские зоны оккупации Германии и Австрии «западников», ограничившись выполнением соответствующего соглашения в Галле относительно репатриации всех без исключения советских граждан только в отношении «восточников». На практике это выражалось в том, что летом 1945 г. союзники, передавая под конвоем советским властям власовцев, казаков атаманов Краснова и Шкуро, бывших военнослужащих сформированных гитлеровцами из советских военнопленных национальных легионов (туркестанского, армянского, грузинского и др.), т.е. «восточников», в то же время не выдали ни одного бандеровца, ни одного солдата украинской эсэсовской дивизии «Галичина», ни одного служившего в немецкой армии и легионах литовца, латыша и эстонца, поскольку последние являлись «западниками».

Из объяснительных записок репатриантов явствует, что власовцы, казаки, национальные легионеры и другие «восточники», находившиеся ранее у гитлеровцев на военной или полицейской службе, в массе своей совершенно не предвидели того, что англо-американцы будут насильно передавать их советским властям. В их среде царил убеждение, что скоро Англия и США начнут войну против СССР, и они понадобятся англо-американцам в этой войне. Ходили также слухи, что англо-американцы якобы собираются направить их на японский театр военных действий. Было известно о существовании в США и Великобритании законов о предоставлении убежища политическим беженцам, каковыми

себя считали власовцы и им подобные. Поэтому многие из них довольно спокойно чувствовали себя в лагерях перемещенных лиц, продолжали носить военную форму со знаками различия «РОА» и т.п. (лишь наиболее прозорливые догадались переодеться в гражданскую одежду и раствориться в массе бывших «восточных рабочих»). Когда же англо-американцы стали под конвоем гнать этих лиц к демаркационной линии на советские приемно-передаточные пункты, то последние старались при малейшей возможности бежать, немало было случаев самоубийств. С осени 1945 г. западные зональные власти фактически распространили принцип добровольности репатриации и на «восточников». Насильственная передача Советскому Союзу советских граждан, за исключением лиц, отнесенных к категории военных преступников, прекратилась.

Помощь Советскому Союзу со стороны США и Великобритании в обязательной репатриации советских граждан была, конечно, вынужденной, поскольку они были связаны с СССР союзническими обязательствами, и шла вразрез с господствовавшими в этих странах представлениями о правах человека. Как только после капитуляции Японии надобность в союзе с СССР отпала, США и Великобритания изменили политику в вопросе о репатриации советских граждан, приведя ее в соответствие с преобладающим в западном мире общественным мнением о неотъемлемом праве человека самому выбирать себе страну обитания.

Следует отметить, что летом 1945 г. степень насильственности репатриации советских граждан — «восточников» из американских и английских зон оккупации Германии и Австрии была различной. В американской зоне она имела широкий размах, в английской — весьма ограниченный. Офицер советской репатриационной миссии в английской зоне оккупации Германии А.И. Брюханов так охарактеризовал это различие: «Прожженные английские политиканы, видимо, еще до окончания войны смекнули, что перемещенные лица им пригодятся, и с самого начала взяли курс на срыв репатриации. Американцы же в первое время после встречи на Эльбе соблюдали принятые на себя обязательства. Не мудрствующие лукаво фронтовые офицеры передавали Советской стране как честных граждан, стремившихся на Родину, так и подлежавших суду головорезов-изменников. Но это продолжалось очень недолго...» [2].

С позиций сегодняшнего дня вся эта эпопея обязательной репатриации выглядит грубейшим нарушением такого элементарного права человека, как право жить там, где ему хочется, а не там, где его заставляют жить сильные мира сего. Однако нельзя забывать, что эти события происходили почти полвека назад, и нынешнюю шкалу представлений о правах человека было бы не совсем правильно прикладывать без существенных оговорок к сложным и противоречивым процессам того времени. Степень цивилизованности основной массы народа и уровень его представлений об элементарных правах человека были тогда значительно ниже, чем в настоящее время. Диктат государства, шедший вразрез с интересами отдельных личностей и даже социальных групп, считался вполне естественной вещью. Интересы государства требовали, чтобы все советские граждане, оказавшиеся вследствие войны за границей, были возвращены на Родину. Достичь этого можно было только посредством обязательной репатриации, а тот факт, что часть советских перемещенных граждан не хотела возвращаться в СССР, служил лишь веским аргументом в ее пользу. Тогда все это считалось само собой разумеющимся и именно так воспринималось основной массой советских перемещенных лиц, когда им становилось известным, что руководство СССР проводит политику обязательной репатриации. Их, безусловно, больше бы удивило и озадачило известие, что Советское государство разрешило им проживать в любой стране мира, где они захотят. Отсутствие же такого разрешения со стороны руководства СССР вызывало меньше удивления.

В Великой Отечественной войне советский народ потерял около 27 млн. человек. Практически не было ни одной советской семьи, кто-то из членов которой не погиб бы в этой истребительной войне, — и свою лепту в эту трагедию внесли и

бывшие советские граждане, находившиеся на службе у оккупантов. Честные советские люди испытывали чувство ненависти и презрения к предателям, были заинтересованы в их выявлении и суровом наказании. Однако многие из числа последних бежали за границу. В этих условиях проводимая руководством СССР политика обязательной репатриации была одним из способов реализации общенародного требования найти и покарать пособников чужеземных завоевателей. Если бы тогда руководство СССР не препятствовало последним проживать в других странах, не требовало обязательного их возвращения в СССР, т.е. фактически освободило бы их от ответственности, то это вызвало бы в народе не только недоумение, но и возмущение, могло бы подорвать доверие масс к руководству своей страны.

Что касается тотальной репатриации не изменников, а депортированных врагом советских граждан, каковых в общей массе перемещенных лиц было значительное большинство, то и здесь руководство СССР фактически выполняло вердикт народа. В центральные органы власти шел огромный поток писем от граждан с просьбой разыскать и вернуть домой родных и близких, угнанных в фашистскую Германию или пропавших без вести. В сознании подавляющего большинства советских людей царило убеждение, что каждый человек, угнанный на чужбину, должен стремиться к возвращению на родину, а в отношении тех, кто «по глупости» захочет остаться в «басурманском мире». Советское правительство должно сделать все возможное, чтобы помешать им совершить это «страшное преступление» (по советским законам самовольный переход из подданства СССР в подданство другой страны входил в разряд тяжких контрреволюционных преступлений). По письмам граждан, поступавшим в НКВД, Чрезвычайную Государственную Комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и другие органы, можно сделать вывод, что тогда в сознании масс само слово «эмигрант» ассоциировалось с понятиями «изменник», «перебежчик», «оборотень», «продажная шкура» и т.п. Таким образом, мероприятия государства по недопущению образования новой эмиграции вполне соответствовали настроением основной массы населения СССР.

Массовая передача союзниками весной и летом 1945 г. советских граждан — «восточников» отнюдь не означала, что они никого из числа последних не задерживали у себя. Уже в августе 1945 г. Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули настоящую «охоту за умами». Из числа советских перемещенных лиц — «восточников» вычленились профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи, инженеры и другие специалисты, с которыми велась активная агитационная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР. В документах, которые им предлагали подписать, присутствовала такая фраза: «...Мне была предложена возможность вернуться в..., но я эту возможность отклоняю и предпочитаю остаться в ...» [3]. Это происходило одновременно с насильственной передачей англо-американцами в руки НКВД власовцев, красноских и шкуровских казаков и др., которые в массе своей были малограмотными или вообще неграмотными и, следовательно, не способными усилить интеллектуальный потенциал западного мира.

К 1 марта 1946 г. было зарегистрировано 4199488 репатрированных советских граждан (2654185 гражданских и 1545303 военнопленных), из них 1846802 поступило из зон действия советских войск за границей и 2352686 принято от англо-американцев и прибыло из других стран. Из этого числа 2427906 человек было направлено к постоянному, избранному или установленному месту жительства, 801152 — призвано в армию. 608 095 — зачислено в рабочие баталь-

оны Наркомата обороны, 272 867 — передано в распоряжение НКВД (спецконтингент), 89 468 — находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей [Там же]. Эти данные свидетельствуют о том, что обещания, содержащиеся в приведенном выше интервью ФИ. Голикова, в основном выполнялись (хотя в спецконтингент НКВД, помимо действительных изменников Родины, было зачислено и немало ни в чем не повинных людей). И, конечно, не соответствовали истине заявления западных пропагандистских служб и активистов-невозвращенцев о том, что в СССР репатриантов якобы чуть ли не поголовно расстреливают или сажают.

Впоследствии органы репатриации установили, что в марте 1946 г. за рубежом находилось еще свыше 550 тыс. советских перемещенных граждан, подлежащих репатриации [Там же]. С этого времени репатриация резко застопорилась, т.к. среди оставшихся за границей советских граждан почти все были невозвращенцами и в основном находившимися под их влиянием колеблющимися. С марта 1946 г. наступило резкое обострение международной обстановки, началась «холодная война», что тоже отрицательно сказалось на темпах репатриации. Бывшие союзники окончательно перестали оказывать какое-либо содействие СССР в репатриации советских граждан, зато чинили всякого рода препятствия. Они не передали Советскому Союзу тысячи советских детей-сирот, увезенных гитлеровцами в малолетнем возрасте.

Это, конечно, не означает, что и в первые месяцы массовой репатриации (май—август 1945 г.) не чинилось никаких препятствий. Например, в докладной записке представителя советской репатриационной миссии в английской зоне оккупации Австрии майора Турасова от 21 августа 1945 г. отмечалось, что в Клагенфурте английскими властями «чрезвычайно медленно организуется отправка советских граждан, уже собранных в сборно-пересыльных пунктах для отправки на Родину. Так, по заявлению советских граждан из СПП №№ 4 и 9 явствует, что многие из них в СПП находятся два и более месяцев в ожидании отправки, и понятно, что некоторые под влиянием разных слухов порой раздумывают возвращаться на Родину... Отдельные авантюристы из белоэмигрантов и антисоветских лиц приходят к советским гражданам и заявляют, что на Родину их отправлять никто не будет, а значит необходимо находить работу... В городе Клагенфурт и его окрестностях нами встречены сотни советских граждан, желающих выехать на Родину (но не собранных и не организованных британскими представителями для репатриации), которые в свою очередь заявили, что в деревнях и населенных пунктах, удаленных от города, имеется много советских граждан, желающих выехать на Родину, но, имея семьи и багаж, они затрудняются добраться до сборных пунктов. Содействия в этом британское командование не оказывает...» [Там же].

Советские представители, выявлявшие в августе 1945 г. граждан СССР в районе Клагенфурта, отмечали, что часто желающие вернуться на родину не могут это сделать, т.к. боятся идти на организованные британским командованием сборные пункты. Причины этого страха крылись в следующем. Во-первых, сборные пункты были смешанными, в них направлялись лица разных национальностей, но внутреннее самоуправление там находилось в руках венгров-хортистов и югославов-четников, не желавших возвращаться к себе на Родину и агрессивно настроенных к советским гражданам-возвращенцам. Во-вторых, не менее агрессивно были настроены к последним и бывшие граждане СССР — пособники фашистских захватчиков. «Отмечены отдельные факты, — говорилось в докладной записке майора Турасова, — когда советских граждан, изъявивших желание ехать на Родину, эти люди избивали, заявляя, что так будет с каждым репатриантом... Были случаи антисоветской пропаганды с приведением фактов якобы издевательств над вернувшимися в СССР» [Там же].

Официальные представители СССР, выступавшие в лагерях перемещенных лиц

перед соотечественниками, часто отмечали сдержанность последних. Причины этой сдержанности крылись в страхе перед возможной расправой со стороны активистов-невозвращенцев. Примерно с сентября 1945 г. повсеместно в лагерях перемещенных лиц стали численно преобладать невозвращенцы, настроенные, как правило, враждебно и агрессивно к любому человеку, заподозренному в намерении возвратиться в СССР. С плюрализмом мнений у них было туговато, и они решительно и беспощадно искореняли "инакомыслие" в основном посредством такого старого, как мир, и банального способа, как мордобой. Советские граждане, подавшие заявления о репатриации в СССР, еще некоторое время вынуждены были находиться в лагерях перемещенных лиц, ожидая оформления документов на выезд, и нередко становились жертвами экзекуций, издевательств и глумлений со стороны антисоветчиков-невозвращенцев.

В этих условиях очень трудно было работать представителям советских репатриационных миссий, посещавших лагеря перемещенных лиц. Приведем один пример. Осенью 1945 г. офицеры миссии по репатриации советских граждан посетили лагерь перемещенных лиц «5-С» (район Риччиони, Италия), находившийся в ведении английской администрации. Офицеров окружило множество подростков, вывезенных гитлеровцами из СССР. Беседа с ребятами, офицеры с горечью обнаружили, что их сознание изрядно одурманено антисоветской пропагандой. Они, например, были убеждены, что их родственники в СССР поголовно «истреблены большевиками». Офицеры терпеливо объясняли, что это выдумки, что родители мечтают увидеть своих детей дома. Тогда подростки, пугливо озираясь по сторонам, просили офицеров взять их с собой. Вскоре советские офицеры обнаружили в лагере «5-С» еще более странные вещи. Самоуправление лагерем с ведома и благословения английской администрации было захвачено группой бывших активных пособников фашистов, причем преобладали офицеры дивизии СС «Галичина». Выяснилось также, что в лагерь частенько наезжали господа в американской и английской военной форме, превосходно владевшие русским и украинским языками. Они насаждали систему слежки, вели с людьми беседы, в которых поливали грязью Советский Союз. При поддержке лагерной верхушки и попустительстве английской администрации в лагере безнаказанно орудовали группы бесчинствовавших невозвращенцев, расправляясь с каждым, заподозренным в желании вернуться в СССР [2, с. 19—21].

Работа миссий по репатриации советских граждан была поставлена в невыносимые условия. Бывшие союзники всеми силами старались не допустить представителей этих миссий в лагеря перемещенных лиц, мотивируя это тем, что якобы все находящиеся там советские граждане не хотят возвращаться в СССР и разговаривать с ними на эту тему совершенно бесполезно. Практика же показывала, что в тех лагерях, где, преодолев препоны англо-американской администрации, представителям советских репатриационных миссий удалось выступить, наблюдался всплеск возвращенческих настроений — обычно сразу же после таких выступлений люди группами и в одиночку заявляли о своем желании вернуться на Родину. Видя такой оборот дела, американские военные власти в январе 1949 г. официально заявили, что работа советской миссии по репатриации в американской зоне оккупации Германии с 1 марта 1949 г. должна быть прекращена. В апреле 1950 г. советская миссия по репатриации вынуждена была покинуть и английскую зону оккупации Германии.

Чтобы окончательно отбить у советских перемещенных граждан саму мысль о возможности возвращения на родину, им вдалбливали в головы, что в СССР их якобы всех считают военными преступниками. Американцы в лагерях даже заявляли, что будто бы «не раз обращались к Советскому правительству с просьбой предоставить перемещенным возможность возвращения на Родину, но всегда получали отказ». На специальных листках изображались взятые из советских газет фотографии трупов людей, расстрелянных фашистами при от-

ступлении, и снабжались подписями, из которых «явствовало», что на фото — трупы перемещенных лиц, «имевших неосторожность вернуться в большевистскую Россию» С другой стороны, те же самые листки пестрели многочисленными рекламами, зазывавшими людей на работу в США, Канаду и другие страны и содержащими обещания, что чуть ли не через два месяца каждый перемещенный сможет обзавестись собственным домом, землей, автомашиной, холодильником, а также несметным количеством костюмов. Перемещенных лиц старались полностью лишить всякой информации об СССР.

Там не менее такая мощная обработка не могла убить в сердцах и мыслях стремления возвратиться на родину. С течением времени у значительной части той категории лиц, которых мы выше условно называли колеблющимися, постепенно притуплялась боязнь наказания (реального или мнимого) в родном государстве, и чашу весов в их сознании все больше стал перевешивать страх навсегда потерять родину. У тысяч людей вызревало твердое решение возвратиться в СССР — и это в условиях односторонней массивированной антисоветской пропаганды! Собираясь тайком в укромных местах, эти люди обменивались мнениями о возможностях и способах возвращения на родину, кляли себя за свою нерешительность, проявленную весной и летом 1945 г., когда выбраться из лагерей было значительно легче, ругали английских и американских чиновников, лагерное "самоуправление", отрезавших им путь домой. Как и в лагерях фашистской Германии, в лагерях перемещенных лиц стали возникать подпольные организации и группы. Летом 1947 г. перемещенные, собравшиеся на сборном пункте миссии по репатриации советских граждан в Брауншвейге (английская зона оккупации Германии), устроили собрание, на котором выступили с заявлениями о положении в лагерях. Из выступлений было видно, что почти везде существовали подпольные группы, которые помогали вырваться на Родину. Например, в лагере у д. Вольтердинген в районе Солтау был организован подпольный «Кружок борьбы за возвращение на Родину». Соблюдая строгую конспирацию, кружковцы рассказывали людям правду о жизни на Родине и призывали их возвращаться домой; подпольщики устраивали побеги из лагеря, предупреждали тех, кому грозила опасность.

Одним из наиболее значительных актов сопротивления перемещенных лиц было восстание в Нойштадтском лагере в конце 1947 г. Советские граждане прожили в нем более двух лет, ежедневно подвергаясь антисоветской обработке и запугиванию. Несмотря на это, среди перемещенных неуклонно росли возвращенческие настроения, и в конце 1947 г. большинство их потребовало у английской администрации репатриации в СССР. До этого отсюда бежали в советскую миссию по репатриации в Нойштадт 33 человека. В ответ английские власти усилили охрану лагеря за счет местной немецкой полиции. Это переполнило чашу терпения — вспыхнуло восстание. Изгнав полицию, люди организованно хотели выехать на родину. Тогда против восставших были брошены английские танкетки и солдаты на бронетранспортерах. Войска оцепили лагерь, произвели массовые аресты и сортировку перемещенных. Вскоре после этих событий сюда прибыли офицеры советской миссии по репатриации. Отлично понимая, что их встреча с перемещенными привела бы к массовому выезду последних в СССР, английское командование не допустило советских офицеров в лагерь. В дальнейшем британские власти расформировали Нойштадтский лагерь, а его обитателей распределили мелкими группами по другим местам. Нойштадтское восстание вошло яркой страницей в историю борьбы советских перемещенных граждан за право жить на родине.

Но даже и после начала "холодной войны" англичане и американцы иногда передавали Советскому Союзу перемещенных лиц, отнесенных к категории военных преступников. А.И. Солженицын в своем произведении «Архипелаг ГУЛАГ» характеризует это следующим образом: «...Именно тайна этого предательства отлично, тщательно сохранена британским и американским правительствами...

Только в 1973 (Sunday Oklahoman, 21 января) прорвалась публикация Юлиуса Эпштейна... Напечатан разрозненный малый документ из скрываемого донные многотомного дела о насильственной репатриации в Советский Союз. "Прожив два года в руках британских властей, в ложном чувстве безопасности, русские были застигнуты врасплох, они даже не поняли, что их репатрируют... Это были главным образом простые крестьяне с горькой личной обидой против большевиков". Английские же власти поступили с ними "как с военными преступниками: помимо их воли передали в руки тех, от кого нельзя ждать правого суда"... В какой части мира и какой контингент западные правительства осмелились бы так выдать, не боясь в своих странах общественного гнева?» [4].

С точкой зрения А.И. Солженицына можно было бы в какой-то мере согласиться, если бы речь шла о периоде весны и лета 1945 г. Однако в процитированном выше документе сказано, что эти люди прожили два года в руках британских властей; следовательно, они были переданы советским властям во второй половине 1946 г. или в 1947 г., т.е. уже в период «холодной войны», когда бывшие союзники никого, кроме настоящих военных преступников насильно не выдавали. Суровая проза жизни в условиях фашистской оккупации чаще всего забрасывала лиц «с горькой личной обидой против большевиков» в карательные отряды, зондеркоманды и т.п. с вытекающими отсюда последствиями (участие в карательных экспедициях, расстрелах заложников, семей партизан, населения еврейских гетто и т.д.). Жертвами фашистского геноцида на оккупированной территории СССР стали около 6,8 млн. мирных советских граждан (без военнопленных). В данном случае совершенно очевидно, что официальные представители СССР предъявили соответствующие неоспоримые доказательства, и английским властям не оставалось ничего другого, как выдать этих «простых крестьян», ибо общественный гнев в той же Англии скорее могло вызвать укрывательство исполнителей фашистского геноцида, а не их выдача. В документах Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации постоянно констатируется, что бывшие союзники не выдают военных преступников из-за недостаточной, по их мнению, обоснованности отнесения этих лиц к такой категории. Если же имелись бесспорные доказательства, что, к примеру, те или иные советские перемещенные лица в свое время вместе с немецкими эсэсовцами собственноручно расстреливали население еврейских гетто в Киеве, Минске, Львове, Каунасе и других городах и населенных пунктах, то они передавались советским властям (англо-американцам отнюдь не улыбалась перспектива прослыть покровителями этих палачей). Ореол мучеников и героев-борцов против режима применительно к этим лицам вряд ли уместен, равно как и к большей части «второй эмиграции». Это все равно, что возвести изменников в ранг героев во времена Куликовской и Полтавской битв. Отечественной войны 1812 г. на том основании, что одним из следствий побед в этих битвах было укрепление режима, т.е. великокняжеской или царской власти.

В публицистике нередко страх перед возможными репрессиями называется чуть ли не единственной причиной того, что сотни тысяч перемещенных лиц не вернулись на Родину. В действительности же причин уклонения от репатриации было очень много. Так, весьма значительная часть перемещенных больше опасалась не репрессии, а трудностей жизни на родине, понесшей вследствие войны большие потери и разрушения. По этой причине многие тысячи перемещенных предпочитали устраивать свою жизнь в не пострадавших от войны странах, а идея лично поучаствовать в возрождении порушенной фашистскими захватчиками родины не вызывала у них воодушевления. Это было одним из главных принципиальных отличий психологии невозвращенца от психологии возвращенца, что, например, подтверждает оценка, данная большинству репатриантов, в докладе командования войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск от 26 октября 1945 г. «Политнастроение репатрируемых советских

граждан в подавляющем большинстве здоровое, говорилось в этом докладе. — характеризуется огромным желанием скорее приехать домой — в СССР. Проявлялся повсеместно значительный интерес и желание узнать, что нового в жизни в СССР, скорее принять участие в работе по ликвидации разрушений, вызванных войной, и укреплению экономики Советского государства» [5].

Среди невозвращенцев было множество всяких прослоек. Следует отметить прослойку, которую бы мы назвали наиболее омерзительной. Некоторые возмнили о себе, что они по своему культурному и интеллектуальному уровню якобы сильно возвышаются над основной массой соотечественников. «Бескультурье», «примитивы», «быдло» — такими эпитетами награждали новоявленные «интеллектуалы» советских людей. Во время войны эти лица очень горевали по поводу того, что они по национальности не немцы или, на худой конец, австрийцы/а после войны, — что они не англичане или американцы. В действительности же представители этой прослойки невозвращенцев, возмнившие себя приобщенными к «высокой европейской культуре» и стыдившиеся своей принадлежности к «некультурным» народам СССР, по степени «культурности», «образованности», «интеллигентности», «интеллектуальности» и т.п. находились, как правило, на уровне небезызвестного персонажа романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Васисуялы Лоханкина, а подчас и того ниже. Эту прослойку можно назвать наиболее предрасположенной к ассимиляции в иностранной среде.

Некоторые советские граждане, находившиеся в плену или на принудительных работах в рейхе, но не запятнавшие себя сотрудничеством с фашистами, не решились вернуться на родину из-за чувства стыда перед собственным народом — они очень болезненно переживали тот факт, что, когда советский народ проливал столько крови в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, они, хотя и подневольно, работали на врага и тем самым помогали ему проливать кровь собственного народа. Но таких людей в общей массе «второй эмиграции» было немного. Существовал еще ряд незначительных прослоек, вплоть до «романтиков» и «путешественников», для которых возвращение в СССР, конечно же, делало неосуществимой их заветную мечту попутешествовать по земному шару.

С середины 1947 г. западные зональные власти при проведении своей политики в отношении перемещенных лиц стали опираться на «Международную организацию по делам беженцев и перемещенных лиц» (ИРО), действовавшую под эгидой ООН. Вначале работал подготовительный комитет этой организации (ПК ИРО), и в его состав входили 14 государств. США, Англия, Франция, Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Гватемала, Голландия, Дания, Доминиканская республика, Исландия, Новая Зеландия и Норвегия. Спустя год, когда в состав ИРО вошло еще несколько стран, вступил в силу ее устав. Эта организация ставила перед собой три задачи: переселение, устройство на месте и репатриация перемещенных лиц и беженцев. С момента создания ИРО под ее опекой находилось около 1,5 млн. человек (почти все они были выходцами из СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии и Албании), сосредоточенных главным образом в Германии, Австрии, Италии и других странах Западной Европы. Перед ИРО была поставлена задача — в течение двух лет переселить в различные страны до 900 тыс. перемещенных лиц и устроить на месте в Германии, Австрии, Италии и некоторых других странах около 600 тыс. человек [Там же].

Советский Союз с момента зарождения этой организации относился к ней отрицательно, поскольку она «ставила целью не возвращение перемещенных лиц в страны их происхождения, а вывоз их в заокеанские страны и использование в коварных замыслах англо-американского империализма» (из отчета Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации. 1952 г.). СССР не вошел в состав членов ИРО, не признал ее ни юридически, ни фактически и с самого начала разоблачал ее деятельность как направленную против интересов ООН и

против интересов большинства перемещенных лиц. Практика деятельности ИРО в целом подтверждала справедливость этой оценки. ИРО была не что иное как аппарат, при помощи которого «империализм получал дешевую рабочую силу и пополнял редевшие ряды антисоветской эмиграции».

Под эгидой ИРО в западных зонах Германии и Австрии длительное время работали многочисленные вербовочные миссии из разных государств, в том числе из США, Англии, Франции, Аргентины, Австралии, Канады, Бразилии и др. При вербовке они отдавали предпочтение молодежи и лицам с хорошим состоянием здоровья. Возраст для мужчин, подлежащих вывозу, был обычно определен до 40—45 лет, для женщин — до 30—35 лет.

Деятельность этих миссий и условия вербовки можно проиллюстрировать на примере работы австралийской вербовочной миссии. Во главе большой группы вербовщиков для вывоза перемещенных лиц из Западной Европы в Австралию стоял генерал Г.Ф. Галлеган. План вербовки в эту страну был первоначально определен в 12,5 тыс., к 30 июня 1949 г. — 33 тыс., а к концу июля 1950 г. намечалось вывезти 112 тыс. человек. К концу 1951 г. в Австралию было вывезено 50307 только советских перемещенных лиц. Все они подвергались тщательному медицинскому осмотру. Условия для завербованных при выезде в Австралию были установлены следующие:

—независимо от квалификации завербованные должны быть использованы в течение двух лет в качестве неквалифицированной или полуквалифицированной рабочей силы;

—место работы в течение первых двух лет пребывания в Австралии определяется ее правительством. По заявлению Галлегана, «они будут расселены в береговой полосе, работать на производстве, жить в общежитиях и только через два года приобретут право свободного передвижения, а до этого, вполне понятно, что их семьи не смогут находиться в этом районе»;

—право на австралийское гражданство завербованные должны получить только через пять лет, при условии непрерывного нахождения в Австралии или на территории Британской империи;

—вербовочная миссия во главе с Галлеганом занималась вывозом в Австралию и детей-сирот, оказавшихся вследствие войны в западных зонах Германии и Австрии. По заявлению Галлегана, «дети до 12 лет должны были находиться в детских домах или в австралийских семьях, но основным приемным отцом этих детей будет австралийское правительство; юноши и девушки от 16 до 18 лет будут устроены на работу». Австралийское правительство, по заявлению Галлегана, будет выступать на правах законного родителя [Там же].

В целом аналогичными были условия вербовки при вывозе перемещенных лиц во многие другие страны. Кабальность условий вербовки был вынужден признать даже Генеральный секретарь ИРО У.Х. Так. Выступая 4 мая 1948 г. на заседании членов ИРО в Женеве, он сказал: «...В существующих программах вербовки рабочих среди перемещенных лиц рабочие рассматриваются только лишь как товар... Вербующие страны не вывозят иждивенцев — членов семей завербованных рабочих и не предоставляют жилищ, которые сделали бы возможным воссоединение семей... Женатый человек оставляет в среднем двух иждивенцев, которые остаются без его помощи и которые на неопределенное время не могут рассматриваться как кандидаты на переселение. Достаточно обладать небольшой долей человеколюбия, чтобы понять, что означает подобное разрушение семьи с точки зрения духовной, моральной и физической...» [Там же].

Вся деятельность ИРО была направлена на срыв репатриации советских граждан и на вывоз их в другие страны. Все протесты официальных представителей СССР о недопущении вербовки и отправки советских граждан вначале всячески отвергались западными оккупационными властями. В начальный период вербовка и вывоз советских граждан тщательно скрывались, но вскоре, когда скрывать это больше не удавалось, они стали ссылаться на прин-

ципы западной демократии, на право человека самому устраивать свою жизнь. Зам. главнокомандующего английскими войсками в Австрии в письме № ПОЛ/193/29/47 по этому поводу писал: «Политика правительства Его Величества не запрещает переселения благонадежных беженцев, хотя бы советских граждан, если им представляется к этому случай» [Там же]. Начальник отдела перемещенных лиц французской зоны оккупации Австрии полковник Тибо на протест советской репатриационной миссии по поводу вербовки и вывоза советских граждан в разные страны ответил: «Я, как начальник отдела перемещенных лиц зоны и как член ИРО, которую мое правительство признает, и на основании принятой в ООН "Декларации прав человека" и полученных мною инструкций от моего высшего начальства, буду и впредь вывозить всех перемещенных лиц, в том числе и советских граждан, куда они пожелают ехать... Я не знаю никакого договора и никаких пунктов. Я знаю одно, что все перемещенные лица находятся под покровительством ИРО, куда хотят, туда и едут. В этом им помогает ИРО" [Там же].

В этих условиях органы репатриации активизировали пропагандистскую работу. Так, с 1947 г. началась регулярная трансляция радиопередач, специально предназначенных для советских перемещенных лиц. Только за 1947—1948 гг. через берлинскую радиостанцию «Волга» и радиостанцию Вены было передано в эфир свыше 300 таких радиопередач. В них освещались жизнь, трудовое и хозяйственно-бытовое устройство репатриированных на Родине. Много места занимало освещение условий жизни и труда вывезенных по вербовке на работы в различные капиталистические страны. В отношении последних (разумеется, о тех, кто неплохо устроился в США, Англии, Канаде, Австралии и т.д., не говорилось) подборка многочисленных конкретных фактов говорила о том, что они там не являются полноправными людьми и подвергаются явной или скрытой дискриминации. Сопоставление положения не вернувшихся в СССР и вернувшихся шло по целому ряду параметров, из числа которых мы на первое место поставили бы следующие пять: 1) советские граждане, осевшие в различных странах, как правило, не допускались там к выборам в органы власти и самоуправления, а в СССР репатрианты не лишены избирательных прав; 2) консервативно и реакционно настроенные слои местного населения относятся к советским перемещенным лицам с высокомерием, пренебрежением и презрением как к «неграм с белой кожей» (в СССР репатрианты, естественно, не подвергаются ни расовой, ни национальной дискриминации); 3) отмечались факты наличия безработицы среди перемещенных и страх потерять работу и опуститься «на дно» у тех, кто ее имел, т.е. неуверенность в завтрашнем дне (в СССР репатриантам гарантировано обеспечение работой и соответственно уверенность в завтрашнем дне); 4) перемещенных лиц принимают, как правило, на тяжелую и неквалифицированную работу, ниже уровня их квалификации (в СССР репатриантам предоставляется работа, соответствующая их квалификации); 5) отмечались многочисленные факты разъединения семей при выезде в заокеанские страны (в СССР семьи репатриантов не разъединяются).

Особый интерес у перемещенных вызывали передаваемые по берлинской р/с «Волга» и р/с Вены объявления о розыске родных и близких.

С 1947 г. Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации наладило организованную переписку между перемещенными лицами и их родственниками, находившимися в СССР. Так, в 1948 г. только в западные зоны оккупации Германии были посланы 5722 письма. После получения из СССР писем от родственников немало перемещенных принимало твердое решение вернуться на Родину. Западные пропагандистские службы, и особенно невозвращенческие организации, комитеты, кружки и т.п., нередко до такой степени преувеличивали размах репрессий в СССР, что у значительной части перемещенных лиц создавалось впечатление: в Советском Союзе чуть ли не весь народ, кроме большевиков и их подручных, в буквальном смысле находится за решеткой. Многие

перемещенные были уверены, что их родственники, оставшиеся в СССР, репрессированы, но после получения писем от родных и близких, естественно, меняли свою точку зрения.

Когда становилось невозможным скрыть очевидный факт, что в СССР многие тысячи бывших перемещенных лиц живут и работают, как и все другие свободные граждане страны, вступал в силу новый «аргумент»: это. дескать, не настоящие репатрианты, а действовавшие здесь, в западных зонах, под видом перемещенных лиц советские шпионы и осведомители НКВД. Так, в Киле представители ИРО внушали советским гражданам: «Ехать на Родину нельзя, так как всех там по прибытии немедленно сажают в тюрьмы, а свободно живут только те, кто здесь был шпионом у советских офицеров» [Там же].

Всякого рода эмигрантские, невозвращенческие и антирепатриационные организации, союзы, комитеты и т.п.. субсидируемые и поощряемые западными зональными властями, издавали и распространяли свыше 100 периодических газет и журналов. К числу наиболее распространенных относились: «Посев», «Новости», «Наши дни», «С нами бог», «Колокол», «Новый мир», «Обзор иностранной печати», «Час», «Неделя», «Латвия». «Тевземе», «Латвияс», «Муусу Келнас», «Тевшинес Гершес», «Эстонская почта», «За железным занавесом», «Свобода», «Обзорение», «Казачье единство», «Аргентинец». «На переломе», «Державный клич», «Антикоммунист», «Эхо», «Последние известия». «Латвийский вестник». «Родина». «Наш путь», «Тремтино Иннос», «Голос отечества», «Мысль», «Набат». «Балтийское обозрение», «Украинская трибуна» и др. Они издавались в западных зонах Германии и Австрии, а часть их — в США, Англии и Франции [Там же].

В среде перемещенных лиц царило убеждение, что одним из лучших вариантов устройства своей жизни за границей было бы проживание в Швеции, где, как им казалось, они бы не подвергались никакой дискриминации. Посмотрим, как обстояло дело в действительности. По данным органов репатриации и советского посольства на 1 января 1952 г. в Швеции на положении перемещенных лиц находились 27 570 советских граждан, в том числе 22 459 эстонцев, 3 929 латышей, 407 литовцев, 312 украинцев, 100 белоруссов, 94 русских и 269 прочих. В целях содействия оседанию прибалтов на постоянное жительство шведскими властями был принят ряд мер по устройству перемещенных лиц. Советским гражданам были выданы временные шведские паспорта. Было принято также специальное изменение к закону о браке, согласно которому иностранцы, проживавшие в Швеции не менее двух лет, могли вступить в брак со шведскими подданными. Кроме того, женщины прибалтийских национальностей, выйдя замуж за шведов, автоматически получали шведское подданство. Формально все советские граждане, осевшие в Швеции, имели право свободного передвижения по стране и выбора места жительства и работы по собственному желанию. Фактически же были созданы ограничения, низводившие их до положения людей низшего сорта. Например, правом голоса при выборах в парламент и местные органы самоуправления советские люди не пользовались, на работу в государственные органы и ведущие отрасли промышленности не принимались. Как правило, инженеры принимались на работу на должность техника, врачи — на должность фельдшера и т.п. Основная масса перемещенных, прибывших в Швецию, использовалась на тяжелых низкооплачиваемых (по шведским меркам) работах в текстильной, лесной, лесообрабатывающей, кожевенной и частично в металлургической промышленности, в торговом флоте, в торговле и сельском хозяйстве [Там же].

О том, как стремительно ухудшалось дело с репатриацией советских граждан после начала «холодной войны» можно проследить на примере Италии. Все действия англо-американских властей в Италии и итальянского правительства были направлены на срыв репатриации. Конкретно это выражалось в следующем. В течение 1946 — 1947 гг. советские офицеры по репатриации были допущены только в один лагерь перемещенных лиц. С июня 1948 г. итальянские власти

временно прекратили передачу советских граждан, желавших возвратиться на Родину, и поставили ее в зависимость от передачи им группы Сало — военных преступников, бывших дипломатов фашистской Италии, взятых в плен советскими войсками, и южных тирольцев, находившихся в плену в СССР. В 1948 — 1949 гг. итальянские власти официально разрешили посещение трех лагерей: «Липари» — один раз в месяц, «Фраскете ди Алатри» и «Фарфа-Сабина» — два раза в месяц, но под разными предложениями не давали возможности это осуществить. Так, в 1949 г. с большим трудом, по настоянию советского посольства, удалось посетить два раза лагерь «Липари» и по одному разу два других лагеря.

На 1 января 1946 г. по данным органов репатриации, в Италии находилось около 40 тыс. советских граждан. С 1947 г. из Италии, так же как и из западных зон Германии и Австрии, начался массовый вывоз перемещенных лиц в различные страны мира. Только в составе польской армии Андерса выехало около 5 тыс. советских граждан, в составе дивизии СС «Галичина» — около 8 тыс. В результате вывоза и частичной репатриации к 1 января 1952 г., по данным органов репатриации, в Италии осталось 437 советских граждан, из них 105 находились в итальянских лагерях, тюрьмах и больницах; 129 — в лагерях, контролируемых ИРО; 227 — в населенных пунктах Италии. Если учесть наличие детей от браков советских женщин с итальянцами, то общее количество советских граждан достигало 900 человек.

Через транзитные лагеря ИРО в Италии только за 1950 — 1951 гг. прошло около 20 тыс. советских граждан. С 1947 г. итальянские власти не разрешали доступ представителей СССР в лагеря ИРО. МИД Италии нотой от 19 мая 1949 г. сообщил послу СССР в Италии, что «к лагерям ИРО Италия никакого отношения не имеет и вопрос о разрешении допуска советских офицеров в эти лагеря является компетенцией ИРО». С мая 1950 г. итальянские власти ввели весьма сложный и затяжной бюрократический порядок оформления выезда из Италии советских граждан, подавших заявления о желании возвратиться на родину. На каждого репатрируемого посольство СССР в Риме было обязано послать вербальную ноту МИДУ Италии. После изучения каждой ноты МВД Италии производило тщательную и продолжительную проверку советских граждан, которая длилась обычно от одного до шести месяцев и была направлена на то, чтобы всеми способами и методами склонить к отказу от репатриации.

С началом войны в Корее (1950 г.) в лагерях ИРО в Италии была умышленно создана обстановка для облегчения вербовки перемещенных лиц добровольцами в «Международный корпус ООН». В июле 1950 г. администрацией этих лагерей было объявлено, что эмиграция перемещенных лиц прекращается. Был уменьшен паек, отменена выдача денег, введена система выдачи увольнительных записок при выходе из лагерей и др., т.е. создавалась обстановка бесперспективности пребывания перемещенных лиц в лагерях. После этого в лагеря ИРО приехали офицеры бывших буржуазных правительств Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, офицеры бывшей власовской армии, бандеровцы и развернули вербовку и запись добровольцев для войны в Корее из числа перемещенных лиц своих национальностей. Добровольцы направлялись эшелонами в Западную Германию, откуда после обучения через порт Бремен на Восток. Вербовка тщательно скрывалась и проводилась под видом эмиграции перемещенных лиц в Венесуэлу [Там же].

Всесторонне обработав и изучив полученные данные на 437 советских граждан, остававшихся к началу 1952 г. в Италии, Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации дало следующую характеристику этому контингенту, который можно было разбить на три основные группы:

первая группа — мужчины в возрасте от 40 до 60 лет. преимущественно врачи, учителя, адвокаты, инженеры и т.п., которых насчитывалось около 50 человек. Почти все они сотрудничали с фашистскими оккупантами и бежали

вместе с ними за границу. Почти все они имели фальшивые документы, выданные антисоветскими организациями, удостоверяющие их принадлежность к старой эмиграции. Большинство лиц этой группы находилось в лагерях ИРО, поддерживало тесную связь с различными антисоветскими комитетами и организациями и использовалось для проведения антисоветской и антирепатриационной пропаганды. Отдельные представители этой группы периодически печатали антисоветские статьи в прессе и писали статьи для радиопередач «Голос Америки»;

вторая групп* — около 200 мужчин в возрасте преимущественно от 28 до 40 лет. Большинство из них составляли бывшие военнопленные. Часть из них служила в изменнических воинских формированиях, некоторые с оружием в руках сражались против Красной Армии и советских партизан. В 1944 — 1945 гг. подавляющее большинство их перешло на сторону итальянских партизан. Причем некоторые, будучи до начала 1945 г. власовцами, затем, перейдя к итальянским партизанам, сумели в конце войны отличиться в боях против немцев, за что получили от итальянского правительства награды за боевые заслуги. В этой группе были и те, кто не служил в изменнических формированиях, но боялся возвращения в СССР (из-за попадания живыми в плен). Многие опасались, что в СССР их могут наказать и за то, что поздно изъявили желание вернуться на Родину (не в 1945 г., а несколько лет спустя после войны). Было отмечено, что незначительное число людей из этой группы, неплохо устроившись в Италии, вело двуличную игру: внешне поддерживая связь с местными прогрессивными и коммунистическими организациями, в действительности выполняли роль провокаторов. В этой группе было незначительное число молодежи, попавшей во время войны в итальянские части на правах воспитанников, где они окончательно разложились, занимаясь воровством и грабежами, а теперь боялись возвращаться на родину;

третью группу составляли женщины. Большинство из них состояло в браке с итальянскими гражданами, имело от этих браков детей и свое возвращение на родину ставило в зависимость от решения вопроса о приеме их мужей-итальянцев в советское гражданство. Часть женщин в той или иной степени сотрудничали с фашистами в период войны, работая переводчицами, медсестрами, писарями в немецкой полиции и т.п., а теперь тщательно избегали встреч с представителями советских репатриационных миссий. Было установлено около 20 активисток — любительниц регулярно выступать на митингах с речами антисоветского характера [Там же].

С января 1949 по январь 1950 г. в составе миссии СССР в Швейцарии работал представитель Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации Новиков. Все советские граждане, находившиеся тогда в Швейцарии, продолжали считаться интернированными и находились в ведении Министерства юстиции и полиции. Швейцарские власти, ссылаясь на право убежища интернированных, не разрешали проводить какую-либо работу среди советских граждан, запрещали всякое общение с ними и отказывались сообщить их адреса. Поэтому Новиков не смог организовать активной работы по репатриации. За весь период работы ему удалось по разрешению швейцарских властей побеседовать один раз с советскими гражданами в лагере интернированных «Мелин». Последние были основательно обработаны в антирепатриационном духе, и беседа с ними результатов не дала. Всего только один человек изъявил желание возвратиться в СССР [Там же].

С марта 1949 по январь 1950 г. в составе миссии СССР в Ливане работал представитель Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации Холоденин. В Ливане, Сирии и Трансиордании находилось в тот период около 100 граждан СССР. Все они прибыли в Бейрутский порт из лагерей Западной Европы с транспортом югославских мусульман-четников на итальянском пароходе «Аргентина» в октябре 1947 г. По прибытии в Бейрут вся партия перемещенных лиц, в том числе и советские граждане, была направлена в

Трансиорданию, откуда они впоследствии из-за тяжелого материального положения и плохого отношения к ним местных властей уехали и расселились в Ливане, Сирии и других странах в надежде найти себе лучшую жизнь. В большинстве это были военные преступники, лица, сотрудничавшие с фашистами, а также бывшие военнопленные, которые боялись возвращаться на родину. Отсутствие дипломатических отношений между СССР и Трансиорданием исключало возможность работы по репатриации в этой стране. За время работы Холоденина в Ливане и Сирии было выявлено только девять советских граждан, из них лишь одна женщина была репатрирована в СССР [Там же].

Такое же положение сложилось к началу 50-х годов и во всех других странах, где находились советские перемещенные лица. Можно сказать, что к этому времени репатриация в основном завершилась, а «вторая эмиграция» в основном сформировалась. За период с 1 марта 1946 г. по 1 января 1952 г. из стран, в которых уже невозможно было осуществлять принцип обязательной репатриации, были возвращены в СССР только 29 074 советских гражданина, в том числе 20 386 — из западных зон оккупации Германии и Австрии [Там же]. Это было сравнительно немного, и предотвратить образование новой эмиграции руководству СССР не удалось.

В 1946 — 1951 гг. в странах, где стояли советские войска, велась целенаправленная работа по выявлению и репатриации невозвращенцев. Многие из числа последних жили здесь по поддельным документам, без прописки, скрывали свое советское гражданство от местных властей, а некоторых укрывали работодатели, заинтересованные в дешевой рабочей силе. Встречались лица, совершившие те или иные преступления перед родиной, а также лица, не имевшие в СССР близких родственников. Правительствами Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии были изданы специальные директивы, обязывавшие местные органы власти всемерно содействовать представителям СССР в выявлении и репатриации советских граждан, незаконно проживающих в этих странах [Там же]. С 1 марта 1946 г. по 1 января 1952 г. из советских зон оккупации Германии и Австрии в основном посредством насильственной репатриации было возвращено в СССР 57 011 советских граждан; из Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии — 18 806 человек. Можно сказать, что «операция по репатриации невозвращенцев» из этих стран прошла успешно. Например, к началу 1950 г. на территории ГДР осталось только 150 советских граждан, из них женщин, вступивших в брак с немецкими гражданами и имевшими от этого брака детей, — 61; больных, престарелых и нетранспортабельных — до 80 человек; несколько детей-сирот советского подданства, усыновленных немцами. К этому же времени почти полностью была очищена от перемещенных граждан СССР и советская зона оккупации Австрии, за исключением 35 женщин, вступивших в брак с австрийскими гражданами и имевшими от них детей [Там же]. Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации не сочло нужным даже включить их в списки «второй эмиграции».

Имея непреклонное стремление осуществить полную репатриацию, руководство СССР в то же время готово было отречься от части советских граждан, наиболее пропитавшихся, по его мнению, «иностранным духом». Таковыми в первую очередь считались советские граждане (в основном женщины), вступившие в брак с иностранцами и имевшие от этого брака детей. 11 ноября 1944 г. К.Д. Голубев писал зам. наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову (копия письма — зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышеву): «Из Финляндии и Румынии поступают сведения, что некоторые из наших людей, из числа интернированных граждан, будучи на территории Финляндии и Румынии, поженились, а женщины повыходили замуж и обзавелись семьями (появились дети).

К нашим представителям поступают однако заявления от указанных лиц с просьбой возвратиться в СССР с членами семьи, приобретенными на территории иностранных государств.

По данному вопросу требуется Ваше мнение.

Со своей стороны считаем, что возвращение такого рода семей в СССР нежелательно, так как является лишним каналом для проникновения вражеских элементов. Потеря же здесь у нас невелика, так как эти случаи почти единичны.

Данный вопрос прошу доложить на решение товарищу МОЛОТОВУ» [Там же].

В дальнейшем установилась практика деления советских граждан, вступивших в брак с иностранцами, на две категории: а) подлежащие обязательной репатриации, если от этого брака нет детей; б) не подлежащие репатриации, если от этого брака есть дети. Бездетные семьи довольно бесцеремонно разрушались, и супруга (супруг) советского подданства в соответствии с принципом обязательной репатриации отправлялись в СССР, а супруг или супруга иностранцы оставались у себя на родине. Например, в подписанной ФИ. Голиковым сводке от 10 июня 1945 г., адресованной В.В. Чернышову, было отмечено: «На французские приемные пункты в районе г. Лилль из Западной Германии прибывают советские женщины, вступившие в брак с французами. На этих пунктах советским гражданам выдаются документы на право жительства во Франции. Нашими офицерами отобрано около 400 подобных документов» [Там же].

Что касается советских граждан, вступивших в брак с иностранцами и имевших от этого брака детей, то им можно было вернуться в СССР только с ребенком, но без мужа или жены иностранцев. В странах, где стояли советские войска, даже в разгар «охоты на невозвращенцев» эти лица были освобождены от обязательной репатриации; более того, их просьбы репатриировать их в СССР со всеми членами семьи неизменно отклонялись. По состоянию на 1 января 1952 г., только в Польше, Чехословакии и Румынии насчитывалось 7 973 советских граждан, вступивших в брак с иностранцами и имевших от этих браков 8 514 детей. Подавляющее их большинство составляли женщины, которые, как правило, тяготились своим пребыванием за границей, стремились вернуться на Родину, но обязательно с детьми и мужьями-иностранцами. Часть из них выехала в СССР с детьми, оставив своих мужей. Только в 1948 г. имело место около 70 таких случаев (в странах «народной демократии») [Там же].

По состоянию на 1 января 1952 г., Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации оценивало численность «второй эмиграции» в 451 561 человек (таблица). В это число были включены только те, кого, по мнению руководства СССР, в принципе можно было репатриировать. Те же из бывших советских граждан (вступившие в брак с иностранцами и имевшие от этого брака детей; около 4 тыс. принявших румынское подданство бессарабцев и буковинцев; примерно 140 тыс. бывших советских немцев, ставших гражданами ФРГ, и некоторые другие) [Там же], в отношении которых руководство СССР отказалось от идеи их репатриировать, не были включены в состав «второй эмиграции». Логика здесь была следующая: эмигрант — это тот, кого можно репатриировать; кого же нельзя репатриировать — это не эмигрант, а иностранец и в списки эмигрантов не включается.

В отчетах Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации в конце 40-х — начале 50-х годов часто проводилась мысль, что значительная часть оставшихся за рубежом советских перемещенных лиц при умелой и постоянной пропагандистской работе с ними вполне бы могла возвратиться в СССР. На наш взгляд, это было заблуждением. Ведь в тех же отчетах указывалось, что большая часть этих лиц связывает свое возвращение на родину с условиями «антисоветского характера». В число этих условий входили: изменение советского общественного и государственного строя, уход коммунистов в отставку, предоставление полной независимости Украине, Литве, Латвии, Эстонии, гарантия непривлечения к ответственности за службу у немецких фашистов и в националистических формированиях; легальная деятельность оппозиционных политических партий и организаций; свобода частного предпринимательства и др., т.е. требования, в то время совершенно нереальные. Следовательно, совершенно

Национальный состав и география расселения «второй эмиграции»
(по данным органов репатриации на 1 января 1952 г.)* [5]

Страны	Русские	Украинцы	Белорусы	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Другие	Всего
Германия английская зона	1333	9797	—	14003	4690	2680		32503
американская зона	6866	21706	—	12110	5043	4049		49774
французская зона	384	271	—	917	663	313	—	2548
ИТОГО:	8583	31774	—	27030	10396	7042	-	84825
Австрия английская зона	1422	3116	169	263	116	60	199	5345
американская зона	3123	4133	965	573	253	187	860	10094
французская зона	68	2397	120	261	292	190	124	3452
ИТОГО:	4613	9646	1254	1097	661	437	1183	18891
Всего по Германии и Австрии	13196	41420	1254	28127	11057	7479	1183	103716
Англия	4990	39971	4986	20036	20034	10019	—	100036
Австралия	5700	12881	1062	15017	10271	4524	852	50307
Канада	2615	17756	1	6039	7679	4583	8	38681
США	1910	10630	101	10066	7779	4271	494	35251
Швеция	94	312	100	3929	407	22459	259	27570
Франция	318	5385	126	4841	866	397	7742	19675
Бельгия	471	5238	135	5420	1771	1295	399	14729
Аргентина	571	1847	22	432	280	42	3891	7085
Финляндия	5	113	—	—	-	237	6606	6961
Бразилия	64	1747	2	1328	498	29	42	3710
Венесуэла	265	1031	34	504	902	68	—	2804
Голландия	43	1337	15	575	96	102	555	2723
Норвегия	23	1050	57	1325	32	96	36	2619
Румыния	—	—	—	—	—	—	1608	1608
Дания	108	—	—	717	423	225	67	1540
Турция	31	251	47	—	—	6	839	1174
Польша	—	—	—	—	—	—	1066	1066
Югославия	279	584	22	4	3	5	7	904
Парагвай	233	254	—	318	6	28	21	860
Палестина	64	10	—	158	244	1	215	692
Новая Зеландия	3	51	—	422	33	72	50	631
Чехословакия	—	—	—	—	—	—	594	594
Швейцария	—	—	1	31	2	5	451	489
Италия	58	306	—	60	—	—	13	437
Марокко	6	53	-	220	8	49	19	355
Индокитай	—	—	—	—	—	—	335	335
Трансиордания	—	—	—	—	—	—	335	335
Испания	11	87	10	6	—	21	46	181
Чили	16	103	2	15	5	5	4	150
Другие страны	630	2517	1880	9624	1009	2906	5781	24343
ИТОГО:	31704	144934	9856	109214	63401	58924	33528	451561

* В эту статистику не «ходит примерно 170 тыс бывших советских граждан (немцы, ставшие гражданами ФРГ; бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство; вступившие в брак и имевшие от этого брака детей и др.), которых Управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации не включило в списки эмигрантов. С учетом этих лиц численность «второй эмиграции» составляла примерно 620000 человек. (Примеч. автора)

нереальны были надежды на добровольную репатриацию, по крайней мере, не менее 3/4 состава «второй эмиграции», т.к. этот контингент можно назвать окончательно и бесповоротно невозвращенческим, и любая репатриационная пропаганда здесь была бессильна. Только около 1/4 лиц, входивших в состав «второй эмиграции», которых условно можно назвать колеблющимися (правда, в массе своей находившихся под сильным влиянием твердых невозвращенцев), были в какой-то степени податливы на возвращенческую агитацию. Разумеется, податливость вовсе не означала непереносимое возвращение на родину. На практике эта агитация только усиливала их колебания, не приводя, однако, к твердому решению вернуться в СССР, и лишь немногие из них, преодолев все страхи и сомнения, возвращались на родину.

Вот какую оценку дало в 1952 г. Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации контингенту советских перемещенных лиц, поселившихся в Аргентине: «Контингент перемещенных советских граждан, осевших в Аргентине, в подавляющем большинстве представляет собой политически разложившуюся массу, состоящую во время войны на службе гитлеровского режима. Часть перемещенных лиц примкнула к антисоветским организациям, действующим в Аргентине, и оказывает отрицательное влияние на остальных перемещенных советских граждан, насильно угнанных в фашистскую Германию, а затем обманным путем вывезенных в страны Южной Америки. Сравнительно небольшая часть перемещенных советских граждан разложилась и находит утешение в пьянстве и разврате или погрязла в мелкобуржуазном быте, стремится найти состоятельных жен или мужей. И, наконец, значительная часть перемещенных советских граждан боится ответственности за совершенные перед Родиной преступления как во время войны, так и после ее, поэтому ни при каких условиях возвращаться на Родину не желает... Несмотря на кропотливую и разностороннюю по своему содержанию работу среди перемещенных советских граждан, которую проводили наши представители, количество репатриированных советских граждан из Аргентины было незначительным. В 1950 г. было репатриировано 15 чел., в 1951 — 10 чел. Кроме того, 6 чел. репатриированных сбежали в пути следования на Родину» [Там же].

В отчете Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации (1952 г.) был также отмечен целый ряд недостатков организационного характера, помешавших осуществить полную репатриацию советских граждан и предотвратить образование новой эмиграции:

— некоторую роль в деле задержки репатриации на Родину всех советских граждан сыграли организационные неувязки, допущенные органами репатриации. Их организационная структура в начальный период не удовлетворяла ни условиям, ни масштабам работы. Отделы репатриации в армиях и лагерях были созданы с опозданием, когда репатрианты массой начали поступать с территорий, освобожденных Красной Армией и союзными войсками. Вопрос о посылке групп офицеров для проведения репатриации с территории Германии, оккупированной союзниками, не был разрешен сразу же по окончании военных действий. Не были своевременно подобраны и соответствующие кадры в западных зонах. В числе работников миссий по репатриации до 1947 г. не было ни одного офицера из латышей, литовцев и эстонцев. Работниками миссий не были использованы все возможности того периода для работы в лагерях перемещенных лиц. Большой поток возвращающихся из западных зон Германии и Австрии успокоил часть работников органов репатриации за рубежом, и репатриация некоторый период шла самотеком;

— не были своевременно приняты меры к вывозу советских граждан из лагерей, расположенных в районе Линца, в период отхода советских войск на новую демаркационную линию, в результате чего несколько тысяч советских граждан остались на территории, занятой американскими войсками в АВСТРИИ;

—передача иностранных граждан осуществлялась в короткие сроки и не была поставлена в зависимость от репатриации советских граждан;

—в связи с имевшимися фактами грабежа и насилия над местным немецким населением со стороны репатриантов, а также наличием в их среде военных преступников в конце 1945 г. был установлен порядок, запрещающий свободный выход из лагерей. Это мероприятие вызвало увеличение числа побегов из них, в связи с чем возникла необходимость их ограждения колючей проволокой, устройства вышек и постов, освещения территории лагерей прожекторами, а также конвоирования репатриантов при выходе из лагеря на работы. Эти меры позволили сократить количество побегов, но не устраняли их полностью, т.к. в период отправки на Родину и в пути следования устранить побег было почти невозможно. В связи с этим о режиме в лагерях становилось известно советским перемещенным лицам, находившимся в западных зонах, а враждебные Советскому Союзу различные организации и комитеты использовали это в целях усиления антирепатриационной пропаганды. В августе 1946 г. по распоряжению Ф.И. Голикова в лагерях была снята проволока и ликвидированы посты;

—многие советские перемещенные лица, находившиеся в западных зонах Германии и Австрии и в других странах, вели переписку со своими родственниками, проживавшими в СССР. Переписка в основном шла по международной почте и частично через офицеров репатриационных миссий. В связи с послевоенными трудностями и засухой в ряде районов во многих письмах, шедших через международную почту из СССР, содержались жалобы на тяжелую жизнь и давались советы пока не возвращаться на родину, если за границей имеется возможность прожить. Подобного рода письма были также использованы в целях антирепатриационной пропаганды;

—на успешности репатриации советских граждан отражалось также изъятие в лагерях преступных элементов и несогласованность в этом деле командования лагерей и работников фильтрационных органов. Почти из каждой партии репатриантов, возвращавшихся на родину, работники фильтрационных органов задерживали по несколько человек. Изъятие этих людей в большинстве случаев происходило в дни отправки эшелонов в СССР. Это создавало отрицательные настроения у отъезжавших, заставляло их настаивать на проживании, а некоторые из них в письмах, посылаемых в западные зоны своим знакомым и друзьям, сообщали об этом соответствующим кодом. Иногда работниками МГБ изымались люди, посланные перемещенными лицами из западных зон в качестве разведчиков. В зависимости от того, как приедут и устроятся эти люди в СССР, решался вопрос о выезде на родину целой группы людей. Чаще всего задержанные для проверки люди не изолировались от остальной части репатриантов, а длительное время находились в лагерях и оказывали отрицательное влияние на других советских граждан. Впоследствии порядок фильтрации, по настоянию органов репатриации, был заменен, и фильтрация была перенесена в лагерь, расположенные на территории СССР [Там же].

Оценка своей деятельности Управлением Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации была вполне самокритичной. Мы бы назвали еще ряд факторов, воспрепятствовавших полной репатриации советских граждан и способствовавших образованию «второй эмиграции», и в первую очередь такой фактор, как само существование в СССР тоталитарного, репрессивного режима. Развернувшаяся в СССР кампания по борьбе с космополитизмом и иностранщиной изрядно напугала советских перемещенных лиц. Не меньший страх вызывали вести об антирелигиозных кампаниях в СССР, и особенно о гонениях на грекокатолическую церковь, а ведь среди оставшихся за рубежом советских граждан — уроженцев Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии было много униатов и католиков. Для них мотивы религиозного характера имели большое значение при решении вопроса, возвращаться на родину или нет. Невозможно было скрыть факт депортации части населения из Прибалтики.

Западной Украины, Правобережной Молдавии и некоторых других регионов. Нельзя было также скрыть, что коллективизация сельского хозяйства в указанных регионах сопровождается раскулачиванием части крестьян и выселением их в Сибирь, а остальных хотя и не выселяют, но «загоняют в колхозы». Не вызывало сомнений, что в условиях все возраставшей конфронтации между Востоком и Западом возвратившиеся в СССР станут там объектом пристального внимания со стороны органов госбезопасности как потенциальные американские или английские шпионы. У демократически настроенной интеллигенции из числа перемещенных лиц существовавшая в СССР атмосфера идолопоклонства перед «великим вождем и учителем», разумеется, никаких иных чувств кроме омерзения вызывать не могла. Все это способствовало росту и упрочению невозвращенческих настроений среди советских перемещенных лиц, находившихся за рубежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР). Коллекция документов.
2. *Брюханов А.И.* Вот как это было: О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. М., 1958.
3. ЦГАОР СССР. Коллекция документов.
4. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир, 1989. № 8. С. 53.
5. ЦГАОР СССР. Коллекция документов.
6. Там же.